

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов VIII (XXII)
Международной научно-практической конференции
молодых учёных
(15–17 апреля 2021 г.)

Выпуск 22

Томск
Издательство Томского государственного университета
2021

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
NATIONAL RESEARCH TOMSK STATE UNIVERSITY
Faculty of Philology

**ACTUAL PROBLEMS
OF LINGUISTICS
AND LITERARY STUDIES**

Proceedings of the VIII (XXII)
International Scientific and Practical Conference
of Young Scientists
(April 15–17, 2021)

Issue 22

Tomsk
TSU Press
2021

2. Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб. : Академический проект, 1995. 472 с.
3. Хармс Д.И. Век Даниила Хармса : собрание сочинений. М. : Зебра Е, 2010. 910 с.
4. Герасимова А.Г. Даниил Хармс как сочинитель (Проблема чуда). URL: <http://www.d-harms.ru/library/daniil-harms-kak-sochinitel.html> (дата обращения: 05.03.2021)
5. Токарев Д.В. Курс на худшее: Абсурд как категория текста у Даниила Хармса и Сэмюэля Беккета. М. : Новое литературное обозрение, 2002. 333 с.
6. Обухов Е.Я. Художественный мир прозы Даниила Хармса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 23 с.
7. Кукарская О.В. Обращение к мифологическому мышлению как способ создания дискурса авангарда // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Челябинск : Энциклопедия, 2016. С. 276–278.
8. Grübel R. (Neo-)Myth and Discourse in Russian Culture: Between Nature and Culture // Russian literature. 2019. Vol. 107–108. P. 49–91. URL: <https://www.science-direct.com/science/article/abs/pii/S0304347919300377>.
9. Хармс Д.И. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 1: Авиация превращений. СПб. : Азбука; Азубка-Аттикус, 2011. 672 с.
10. Сухотин М.А. Два Дон Жуана. URL: http://old.russ.ru/krug/19990803_s.html (дата обращения: 05.03.2021).
11. Бекасова С.А. Дон Жуан романтической эпохи // Уральский филологический вестник. 2015. № 5. С. 21–28.

DOI: 10.17223/978-5-907442-02-3-2021-110

ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ / ЧУЖОЙ» В СИСТЕМЕ ПЕРСОНАЖЕЙ ПОВЕСТИ Л. ЛЕОНОВА «EVGENIA IVANOVNA»

Перепрыгина А.В.

Томский государственный университет, студент

THE SYSTEM OF CHARACTERS IN THE STORY

«EVGENIA IVANOVNA» BY L. LEONOV: NATIVE VS ALIEN

Pereprygina A.V.

Tomsk State University, student

Рассматривается система персонажей повести Л. Леонова «Evgenia Ivanovna» в аспекте оппозиции «свой / чужой». Выявлена динамика со- и противопоставлений образов Стратонова и Пикеринга, их роль в сюжете самоопределения героини.

Ключевые слова: Л. Леонов, «Evgenia Ivanovna», свой/чужой, система персонажей.

The system of characters from L. Leonov's story «Evgenia Ivanovna» is considered in the aspect of the opposition «native / alien». The dynamics of juxtapositions and oppositions of the images of Stratonov and Pickering, their role in the plot of the heroine's self-determination is revealed.

Key words: L. Leonov, «Evgenia Ivanovna», native / alien, character system.

Научный руководитель: З.А. Чубракова, канд. филол. наук, доцент ТГУ.

Повесть Л. Леонова «Evgenia Ivanovna» о судьбе русской женщины, оказавшейся в эмиграции, начата в 1938 г. и опубликована в 1963 г. В работах исследователей 1970–1980-х гг. (В.А. Ковалев, Т.М. Вахитова и др.) интерпретация ее сводилась к тезису: «только у себя на родине может быть счастлив человек». В последние годы повесть «Evgenia Ivanovna» все чаще называют «загадкой», до конца не прочитанным «маленьким романом», но обращается к ней только Н.А. Непомнящих в связи с «замятинским текстом» [1].

Главная сюжетная линия, воссоздающая историю скитаний и самоопределения Евгении Ивановны в чужом социальном и культурном пространстве, процесс осознания героиней своей национальной идентичности, определяет значимость оппозиции «свой/чужой» в художественном мире произведения. Наша задача – анализ системы персонажей повести с точки зрения этой бинарной оппозиции.

Оппозиция «свой/чужой» «пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения», отмечает Ю. Степанов. В сфере «свои» – «чужие» «само противопоставление создаётся не только объективными данными, но и их субъективным отражением в сознании» [2. С. 126].

Понятия «свой/чужой» в повести Л. Леонова «Evgenia Ivanovna» предстают не только в традиционной функции пространственной оппозиции и композиционного приема противопоставления. Семантика этих понятий обретает новые смысловые оттенки и сложную диалектику связей, реализуясь на разных уровнях художественной структуры произведения (событийный и ментальный планы сюжета, пространственно-временная организация, система персонажей, сознание и психология героев, рефлексии повествователя).

Фабула и сюжет в повести Леонова не совпадают. Центральное сюжетное событие – объяснение Евгении Ивановны со Стратоновым, бывшим мужем, некогда бросившим ее в Константинополе на произвол судьбы, – подготовлено предысторией, предстоящей в воспоминаниях героини и ретроспекциях повествователя. Сюжет судьбы Евгении Ива-

новны неразрывно связан с двумя мужчинами, отношения с которыми можно определить через трансформацию оппозиции «свой/чужой». В событийном пласте сюжета (бегство из России, скитание по европейским городам, путешествие с археологом Пикерингом, замужество, поездка на Кавказ, смерть в Англии) это путь от наивной провинциальной барышни, бежавшей с любимым за границу, до миссис Пикеринг, «русской матери английского ребенка». В динамике внутренней жизни героини – становление личностного сознания в рефлексии прошлого и настоящего, это мучительный процесс «освобождения» от «своего» Стратонова и сближение с «чужим» Пикерингом.

Долгое время Стратонов, по слухам, погибший «где-то в Африке», незримо присутствует рядом, преследует ее в видениях и наяву: «Он не разминулся ей на палубе, мёртвый Стратонов, искоса следил за покинутой женщиной... из неё самой следил» [3. С. 19]. Стратонов не просто родной человек или знак прошлого, родины, наподобие колечка и обрывка газеты с фотографией родного городка. Он – часть ее существа, ее боль и мука. Пикеринг же, сначала «чужой» человек (незнакомый, иностранец, странный), постепенно становится «своим» – другом, мужем, которого она понимает и уважает.

В художественном пространстве повести образы Стратонова и Пикеринга представлены через систему со- и противопоставлений по разным основаниям: русский/англичанин, молодой/старый, здоровый/ больной, красивый/некрасивый и так далее. Примечательно, что в восприятии Евгении Ивановны (фокализованного персонажа) такие качества мужчин, как национальность, физические данные или социальный статус, не фиксируются или представлены нейтрально, т.е. не являются значимыми сами по себе. Важным этапом в отношениях персонажей становится сон Евгении Ивановны, после которого «наступало выздоровление от прошлого, и тогда Стратонов вышел из ее сердца, но так небрежно, что она повалилась бы от боли, если бы не подоспевшая рука мистера Пикеринга» [3. С. 26]. Вышедшая из оцепенения Евгения Ивановна становится способной понять смысл происходящего: теперь ее восприятие Стратонова и Пикеринга не только эмоционально-чувственное, но и содержит нравственно-этическую оценку (подлый / благородный, губитель / спаситель, мертвый / живой, бес / ангел-хранитель). Кульминационное событие – объяснение с бывшим мужем (в определении повествователя «поединок и казнь» Стратонова) – не приносит Евгении Ивановне желанного спокойствия: «После ночных сумасбродств в качестве призрака живой

Стратонов показался ей почти мертвецом. За столом чуть наискось против нее сидел недобрый, невыспавшийся и, главное, совсем немолодой человек» [З. С. 50]. Евгения Ивановна понимает, что ее месть теперь не имеет смысла, Стратонов уже жестоко наказан: «И вдруг Евгения Ивановна содрогнулась от догадки, как мучительно и прочно умирал этот человек...» [З. С. 78]; «Он жил пусто и одиноко, без надежды, без любящей женщины, в озлобленье постоянного страха» [З. С. 50].

В поэтике повести границы понятий «свой» и «чужой» оказываются зыбкими: образы Стратонова и Пикеринга то противопоставляются, то «сводятся» (бывший и настоящий муж). Но когда в силу вступает «жизнь души» героини, часто неосознаваемые чувства и ощущения, то понятия «свой» и «чужой» обретают новые смысловые нюансы и предстают в разных соотношениях: противопоставления нейтрализуются либо вовсе «оборачиваются» парадоксальным образом. Так, некогда «чужой» англичанин Пикеринг, несмотря на то что становится «своим» (мужем), все же остается «другим» и «неродным». Он не может заполнить собою ту пустоту в сердце Евгении Ивановны, которую оставил после себя столь родной когда-то, а теперь «чужой» (жалкий и раздавленный страхом) предатель-Стратонов.

Литература

1. Непомнящих Н.А. «Замятинский текст» в произведениях Л.М. Леонова: повесть «Evgenia Ivanovna» // Сибирский филологический журнал. 2006. № 4. С. 47–51.
2. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М., 2001. 991 с.
3. Леонов Л.М. Evgenia Ivanovna: повесть. М. : Советский писатель, 1983. 104 с.

DOI: 10.17223/978-5-907442-02-3-2021-111

ПОЭТИКА АБСУРДА В КИНОСЦЕНАРИИ

Е.Л. ШВАРЦА «МАРЬЯ-ИСКУСНИЦА»

Смокотина В.А.

Томский государственный университет, магистрант

THE POETICS OF ABSURDITY IN E.L. SCHWARTZ'S

SCREENPLAY «MARYA-ISKUSNITSA»

Smokotina V.A.

Tomsk State University, master student

В работе впервые осуществляется сопоставление диалогии Л. Кэрролла «Приключения Алисы в Стране чудес» и «Алиса в зазеркалье» с киносценарием